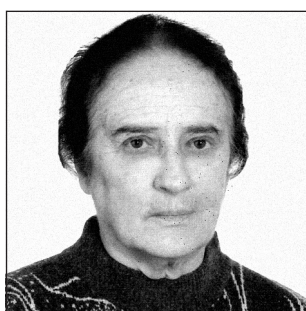

Нелогические основания научного мышления¹

Л. А. МАРКОВА

В статье утверждается, что при обсуждении вопросов, связанных с получением научного результата, необходимо учитывать не только активную роль контекста, но и обратное влияние проблемной ситуации в мышлении на формирование соответствующих условий. В этом случае контекст не будет произвольным, а результат сохранит свою устойчивость в определенных рамках. Важным будет не только факт изменчивости слова в разных контекстах, но и то обстоятельство, что речь идет все-таки об одном и том же слове.

Ключевые слова: философия науки, контекст, язык и мышление, устойчивость значения.

В прошлом веке необычайно возросла роль языка в философских исследованиях, и особенно это относится к логическому позитивизму. Философы данного направления, основоположником которого можно считать Л. Витгенштейна (хотя у него были такие именитые предшественники, как Лейбниц, Фреге и ряд других), полагали: для того чтобы изучить мир, достаточно изучить законы функционирования языка. Законы языка и законы мира одни и те же. Все, что нас ок-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00322а.

ружает, доступно нашему осмыслению только потому, что обозначено словом. Совокупность слов совпадает с совокупностью вещей в мире. В то же время для того, чтобы сделать понятными мысли, рождающиеся в голове человека, чтобы сделать их доступными для другого, их необходимо оформить в языке, в словах. Именно в языке, в словах совмещаются мысли и мир, объяснить который призвано человеческое мышление. Научный язык они считали образцом точности и совершенства. Научное знание, выраженное научным языком, должно быть максимально освобождено от всяких нелогических вкраплений, связанных с личностью ученого, социальными, историческими обстоятельствами производства знания. Из этого исходили не только логики, но и позитивистски ориентированные философы, историки, социологи науки.

Однако в прошлом веке исследователи приходят к выводам, которые не согласуются с этими, казалось бы, незыблемыми и абсолютно необходимыми требованиями, предъявляемыми научному знанию. Выявляется необходимость учитывать глобальные трансформации, происходящие в философии, культуре, социуме в определенные исторические периоды, без понимания которых трудно объяснить перемены в научной рациональности. Более того, в рамках ситуационных исследований (case studies), в которых основное внимание уделяется рождению нового знания, чтобы понять акт творчества в науке, оказываются в равной степени востребованными философские исследования, социологические, психологические, и не только. Новое не выводится логическими средствами из прошлого знания (во всяком случае эта сторона дела отступает далеко на задний план), а возникает из того, что наукой не является, из ситуации, в которой работает ученый, из *контекста*. При этом неясно, каким образом полученные результаты включаются в уже существующую логическую структуру научного знания, как обосновывается их принадлежность науке. И данная трудность не единственная при таком повороте исследований, но не об этом сейчас речь. Хочу лишь обратить внимание читателей на то, что при изучении науки философами, социологами на передний план выдвигается ситуация, условия рождения нового, контекст, от которого зависит характер возникающего знания. Отсюда и результаты, получаемые при изучении одного и того же предмета в разных условиях, в неодинаковых контекстах тоже разные. Как же быть с объективностью и истинностью? С воспроизводимостью эксперимента? А если слово, произносимое в разных контекстах, каждый раз приобретает новый смысл, можно ли говорить о постоянстве его значения?

В философии науки – в каждом новом контексте своя истина. Соответственно в философии языка – в каждом новом контексте свое значение того же самого слова. В том и другом случае разрушается логика, ставшая привычной за последние три столетия и вроде бы единственно возможной. Означает ли это наступление хаоса? Или надо приспособить получаемые результаты к привычной нам логике Нового времени, воз-

можно, в той или иной степени «подправив» ее? Или мы являемся свидетелями рождения принципиально нового типа рассуждений, новой логики? Понятие «контекст» становится одним из ключевых. Нельзя сказать, что прежде это понятие не фигурировало в исследованиях науки. И философы, и социологи, и историки всегда так или иначе соглашались с тем, что и философия, и социальные условия, и экономика, и психологические особенности ученого, и социальная структура самой науки, и многое другое играют немалую роль в формировании научных идей. Иное дело, что теперь эта роль понимается по-другому, воспринимается как контекст, ситуация, способные участвовать в определении *содержания* научного знания, в формировании его *логики*.

Другими словами, это уже не нечто внешнее по отношению к научным идеям, способное подталкивать их развитие в том или ином направлении (например, посредством финансирования одних областей науки в ущерб другим), стимулировать работу тех подразделений, которые обещают большую практическую отдачу. Контекст выполняет принципиально другую функцию. При этом неизбежно возникает вопрос: каким образом формируется сам этот контекст, который, конечно, не может совпадать со всей бесконечностью элементов мира за пределами науки? Он разный в разных случаях. Но чем определяется эта разница? Как он вычленяется из массы сопутствующих научному открытию событий? Если здесь доминируют полный произвол и случайность и если новое знание рождается из этого хаоса, не имеющего ничего общего с наукой, то можем ли мы надеяться на получение результата, вписывающегося в существующую структуру *науки*? Не утрачивает ли он свою *самость* именно как научного? Та же трудность возникает и со значением слова. Если это значение меняется вместе с каждым изменением контекста, можем ли мы быть уверенными, что речь идет о том же самом слове?

Как можно предположить, в развитии науки и функционировании языка действует определенный логический механизм, суть которого в том, что не только новое знание формируется контекстом, но и контекст определяется потребностями творческого процесса. То же и в языке: значение слова само предопределяет свое употребление в каждом случае. Здесь на передний план выдвигается следующая проблема. В прошлом веке много внимания уделялось индивидуальности, особенностям, уникальности тех или иных событий, но часто забывалось, что в каждом конкретном случае, как бы ни была уникальна наука, например, Нового времени по сравнению с наукой XX в., все-таки каждый раз речь идет именно о *науке*. И слово, как бы по-разному данное конкретное слово ни звучало в тех или иных ситуациях, сколь бы разные значения оно ни приобретало в отличающихся друг от друга контекстах, *это* именно данное слово. Поэтому и контексты при всем их отличии друг от друга имеют нечто общее, что в равной мере соответствует одному определенному слову. Этим обстоятельством обеспечивается и *неслучайность* того набора элементов, которые образуют кон-

текст. Можно еще раз повторить в жесткой формулировке: не только контекст формирует значение слова, но и слово формирует контекст.

В XX в. особое внимание обращалось на зависимость значения слова (если речь идет о языке) от контекста. Это было довольно революционным направлением исследований в области аналитической философии, где первостепенное внимание всегда обращалось именно на постоянство значений слов. В данном направлении одним из первых продолжил путь опять-таки Л. Витгенштейн, отказавшись в «Философских исследованиях» от своих же основных идей, изложенных им в начале творческого пути в «Логико-философском трактате». В теории языковых игр Витгенштейн проводит мысль о зависимости значения слова от той ситуации, от того контекста, в котором оно используется. Не только Витгенштейн совершает такой поворот в интерпретации языка.

Далее я остановлюсь подробнее как на тех процессах, которые происходят в аналитической философии во второй половине прошлого века (на примере У. Куайна, одного из наиболее влиятельных представителей этой философии), так и на переменах в области философской логики (на примере анализа В. С. Библером идей М. М. Бахтина и Л. С. Выготского).

Сознание как основание мышления

Рассмотрим сначала вопрос о соотношении мышления и сознания с точки зрения их связи с языком и речью, опираясь на некоторые идеи В. С. Библера, высказанные им при анализе творчества М. М. Бахтина и Л. С. Выготского².

Библер обращает внимание на убежденность Выготского в том, что сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы сознания, которая охватывает влечения и потребности, интересы и побуждения, аффекты и эмоции. Выготский ссылается при этом на К. С. Станиславского, который учит, что за каждой репликой героя драмы стоит хотение, направленное на выполнение определенных волевых задач. Выготский приводит несколько реплик Чацкого из его диалога с Софьей в интерпретации Станиславского и делает вывод о том, что понимание слов и мысли собеседника невозможно без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль. Здесь, по Выготскому, мы касаемся той стороны природы слова, значение которой выходит за пределы мышления как такового и может быть изучено только в составе более общей проблемы: слова и сознания.

Позиция Выготского наводит Библера на некоторые размышления. Когда Выготский хочет мотивом объяснить мысль, то он лишает

² Библер В. С. Проблемы сознания. Сознание и мышление // Философско-психологические предположения школы диалога культур. М. : РОССПЭН, 1998; Он же. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М. : Прогресс, 1991.

мысль, считает Библер, ее самостоятельного (по отношению к мотиву) значения. Мысль в этом случае не может изменить, трансформировать исходный мотив. Хочу напомнить сказанное выше, а именно: существует не только зависимость слова или научного результата от контекста, но и обратное влияние результата в науке или слова на контекст. Библер не возражает против того, что мотивация определяет содержание мысли, но, полагает он, мотивация как совокупность желаний, побуждений, настроений говорящего, его сознание, не заторможенное мыслью, быстро теряет свою «сознательность». Оно распадается на свои составляющие – мотивы, эмоции, особенности темперамента, в эту секунду возникающие желания, сознание уходит в «подсознание». Возникает странное, двойственное отношение сознания и мышления. С одной стороны, сознание предшествует мысли, но тогда, не будучи закреплено мыслью, оно распадается на внесознательные составляющие. С другой стороны, мышление без сознания теряет связь с духовной жизнью индивида, преодолевает индивида как субъекта мышления. Иными словами, не только сознание является основанием, условием, контекстом формирования мышления, но и мышление определяет характер сознания, делает его сознанием человека.

В силу этой двойственности, по-видимому, для Выготского и была очень мучительной проблема соотношения сознания и мышления, считает Библер. Собственно, когда Выготский начинал специально говорить о сознании, он понимал, что сознание невозможно без самосознания, т.е. вне определенной формы рефлексии (предопределения мысли). Он вспоминает Б. Спинозу и пишет, что познание нашего аффекта изменяет его и делает активным, начинается сознание. То, что я мыслю аффекты, многое меняет в моей психической жизни. В то же время то, что я мыслю вещи, вне меня находящиеся, ничего в них не меняет. Здесь опять мы видим уже высказывавшуюся ранее мысль: акт творчества в науке выхватывает из окружающего мира лишь те вещи, которые могут соучаствовать с ученым в его мыслительной деятельности и меняться вместе с ней.

Что касается Бахтина, то у него вся проблема диалога, отмечает Библер, связана с идеей сознания. Больше того, в логике, в мысли, по Бахтину, существует лишь монологика, диалога здесь уже нет. Библер задается вопросом: может ли быть диалог связан с идеей логики? По утверждению Бахтина, логика принципиально монологична и наши интуитивные представления действительно требуют логики только как монологик. Возникает необходимость связи между бахтинской идеей диалога в сознании и идеей диалога в мышлении. По мнению Библера, диалогизм мысли должен иметь корни в диалогизме сознания, иначе он – колосс на глиняных ногах. В то же время диалогическое сознание без изменения типа мышления (от монологизма к диалогике) не в состоянии изменить моего бытия, оно оказывается лишь наличной эмпирией. Вне логического обоснования человек не может углубить сомне-

ние в целостности своего бытия (идею диалога) до сомнения в своем разуме, до сомнения в идее всеобщего, сути мышления. Без трансформации самого типа мышления, без диалогизма мышления диалогизм сознания недостаточен. Но в то же время их разведение, сама предельная их противопоставленность крайне необходимы.

Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что трудности, возникающие в разных направлениях философии (постаналитическая философия, философская логика, философия науки), с логической точки зрения однопорядковые, хотя проявляют себя по-разному и в разных контекстах. Я имею в виду прежде всего идею, что мышление, логика, язык рождаются из того, что не является мышлением, логикой, языком. Для Библера *сознание* является *внелогической* закраиной его диалогичности, очерчивает *внелогический* смысл ее ключевых определений. Когда он приводит высказывание Выготского о том, что мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, это следует понимать так, что логика мысли рождается из того, что логикой не является. Или внутренняя речь у Выготского не ориентирована на ее понимание *другим*, так как у нее своя грамматика и своя логика. Но в то же время внутренняя речь служит базой для выражения мысли в *языке*, который понятен *другому*, так как построен по известным правилам грамматики и слова этого языка обладают определенным значением, признаваемым участниками общения. У Бахтина, напоминает Библер, печатный, написанный текст произведения не равняется всему произведению в его целом. В произведение входит и внетекстовый интонационно-ценностный его контекст, который остается вне данного текста как диалогизирующий фон его восприятия.

Знание, когда оно рождается в голове ученого, еще не обосновано, не доказано и не сразу выражено в языке, в тексте. Другими словами, оно не *остранено* (одно из любимых понятий Библера) от своего создателя. Во внутренней речи, по словам Выготского, мысль не просто выражается в слове, но совершается в нем. На этот творческий процесс нельзя посмотреть со стороны ни самому ученому, ни его коллегам. Язык позволяет это сделать. Посредством языка мысль актуализируется, материализуется, выражается в тексте.

Мысли Библера, Выготского, Бахтина позволяют нам приблизиться к решению проблемы, неизбежно возникающей при обсуждении идеи контекста, его роли в процедуре зарождения нового научного знания³. Эта проблема может быть сформулирована следующим

³ Понятие контекста, его роль в современной социальной эпистемологии обстоятельно анализируются в работах И. Т. Касавина, в том числе в его книге «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» (М.: Канон+, 2008). Особый интерес, на мой взгляд, представляет его анализ соотношения контекста и дискурса, понятия, не менее востребованного в современных философских исследованиях, чем контекст. Я сейчас не готова к анализу этого соотношения, но уверена, что это помогло бы во многом прояснить рассматриваемые проблемы.

образом. Да, новое рождается из того, что на него не похоже, что им не является, поэтому оно и новое. Но если так, возникает все тот же вопрос: откуда у нас уверенность, что мы получили именно *научное* знание? Ответом может служить утверждение, что контекст, хотя он и не является наукой, тем не менее формируется возникающими в науке проблемами. Именно поэтому он не образуется произвольно, из случайно подобранных элементов. Контекст – это *ненаука*, но все-таки это именно *ненаука*, а не *нефилософия*, например. Имеет место обратное влияние науки на контекст. Поэтому сразу отбрасываются элементы контекста, которые часто упоминаются в социологических работах и которые не имеют отношения к научному знанию, такие, как настроение экспериментатора, его отношения с коллегами, его карьерные планы и т.д. У Бахтина, пишет Библер, сам текст не совпадает с собой, он определяется как нечто, не имеющее собственной территории, и только при таком его понимании возможно обращение к тексту как к произведению, как к не-тексту. И нам не приходится искать вне-текстовый смысл и контекст эмпирически вне текста. При таком подходе к контексту сохраняется бахтинское понимание личности как вне себя существующей, как существующей «на грани».

Обратим внимание на следующий момент. Не-текстовое поле, контекст, не находится пространственно вне рассматриваемого текста. Чтобы его выявить, надо самый текст представить как существующий на своих границах, как не совпадающий с самим собой, как *произведение*, создаваемое автором. Именно в момент создания текста-произведения контекст играет роль соучастника творческого акта. Контекст порождается возникающим в голове автора текстом в не меньшей степени, чем наоборот, когда контекст воспринимается как порождающий вот этот, конкретный текст. Такой же логический механизм можно разглядеть и в случае рождения нового в науке. Новая теория рождается в голове ученого в определенном контексте. Но если этот контекст требуется осмыслить как участвующий в рождении новой теории, идеи, парадигмы в полном их объеме, включая содержание и логику (на что часто претендуют современные социологи науки), то нельзя его рассматривать как набор сосуществующих с деятельностью ученого обстоятельств, которые могут приостановить работу, ориентировать ее в другом направлении (финансирование, воля начальства, обстановка в научном коллективе, изменение его состава), но никак не влияют на содержание получаемых результатов. Все эти обстоятельства носят случайный характер, меняются от одной лаборатории к другой и действительно при определенном их понимании приводят к релятивизму, в котором справедливо упрекают многих современных исследователей науки. Можно посмотреть на контекст и иначе. Он непосредственно участвует в творческом процессе создания теории на том его отрезке, когда теория еще не вышла за пределы внутренней речи. Теория не совпадает сама с собой, она еще *не остранена* от ученого в форме текста,

не представлена в языке, который делает ее доступной для понимания и для обсуждения *другим*.

В философии, истории, социологии науки роль контекста как активной силы, участвующей в формировании знания с точки зрения его содержания и логики, как правило, переносится в сферу дискуссий и обсуждений уже выраженной в языке, *остраненной* от создавшего ее ученого теории. При анализе этих дискуссий (например, по поводу книги Т. Куна) обычно принималось как нечто само собой разумеющееся то обстоятельство, что разговор идет об *уже существующих* теориях (старая и новая). Творческий процесс по созданию новой теории всегда оставался за рамками обсуждения.

Когда современные социологи, историки науки, склонные к анализу науки в рамках кейс-стадиес, говорят о научном открытии в определенных условиях, они обычно начинают с поисков таких элементов этих условий, которые могли повлиять, по их мнению, на сам факт появления нового знания. И опять само знание преподносится как уже имеющееся налицо, как *результат* творческой деятельности ученого. Бахтин, рассуждая о гуманитарном знании, и Библер, распространяя идеи диалогии и культурологии на естественно-научное знание, идут в противоположном направлении – от произведения, от теории (которую Библер понимает тоже как произведение, как культуру) к контексту, фону, условиям их производства. Контекст определяется как производное определенного понимания произведения или теории⁴. Можно пойти дальше и сам предмет, и субъект, его изучающий, рассмотреть как *ненауку*, но как (наряду с другими элементами контекста) эту науку порождающие.

В логике классической науки и предмет, и субъект находятся вне научного знания как полностью от него не зависящие. Если они и претерпевают какие-то изменения, то это происходит за пределами логических трансформаций знания. К предмету это относится в не меньшей степени, чем к субъекту. Наша Вселенная развивается, меняются ее характеристики. Пласты земной коры перемещаются, конфигурация материков и морей становится иной, биологические виды трансформируются, наша Вселенная имеет начало. Все это становится предметом изучения естествознания, но как совершающееся независимо от происходящих в рамках науки логических процессов. В настоящее время появляется тенденция саму природу рассматривать как предмет, *предназначенный* для его изучения наукой. Он не суще-

⁴ К трудам Бахтина обращается и И. Т. Касавин (в уже упоминавшейся книге «Текст. Дискурс. Контекст») с целью прояснить некоторые проблемы языка и мышления, активно обсуждающиеся в настоящее время. Во многом его подход к творчеству Бахтина совпадает с подходом Библера, но не во всем. Эти различия как раз и свидетельствуют о справедливости тезиса Бахтина (с которым согласны и Касавин, и Библер) о том, что само произведение содержит возможности его разного прочтения и преобразования в другое произведение, другую теорию, в слово с другим значением.

ствуется независимо от науки, он — *ненаука*, но предопределен тем или иным состоянием научного знания и предназначен стимулировать творческие процессы для решения существующих в науке проблем. При таком подходе к предмету неизбежно присутствие в контексте и субъекта творческой деятельности.

Ненаука не является наукой, но она не совпадает с бесконечным разнообразием элементов контекста, которые можно обнаружить существующими в пространстве и времени с актом производства нового знания. Подавляющее большинство этих элементов никак не влияет на логику и содержание возникающего нового знания. Из бесконечного их множества сама наука в своем развитии вычленяет те, которые действительно могут повлиять положительным образом на решение ее проблем. Образуется область *ненауки*, или *предлогики* (Библер), или поле референции (Делёз).

Проблема контекста в аналитической философии

Аналитическая философия XX в. больше, чем какое-либо другое направление философской мысли, имела тенденцию сосредоточить логику и содержание научного знания в *языке*, который воспринимался как воспроизводящий в своей структуре, грамматике, семантике строение мира. Язык естествознания наиболее точный и максимально строгий, поэтому именно он наилучшим образом демонстрирует свойства и особенности нашего мышления. Язык — это нечто самодостаточное, он существует согласно своим собственным законам, которые функционируют в соответствии с общепринятыми значениями слов и правилами их построения в предложениях. Аналитическая философия сыграла огромную роль в философском мышлении прошлого века прежде всего именно потому, что довела до некоторого логического предела (до ее трансформации в математическую логику) реально присутствующие в мышлении и необходимые для его нормального функционирования свойства. Это в первую очередь признание всеми участниками общения за каждым словом определенного значения, что позволяет использовать его в разных ситуациях (в разных контекстах) с одинаковым успехом. При этом совершенно справедливо не принимались во внимание, игнорировались детали, не вписывавшиеся в вырисовывающуюся картину языка (о них речь пойдет ниже). Эти детали воспринимались или как действительно ничего не значащие, или как такие, которые найдут свое объяснение в будущем в рамках существующей теории. Выведение за пределы логики ряда свойств языка было необходимой предпосылкой для создания соответствующей теории, в которой научный язык и мысли, выраженные на этом языке, понимались как максимально логически

отстраненные и от субъекта научной деятельности, и от предмета изучения. Однако к концу прошлого века развитие самой аналитической философии (а не критика извне) «вытолкнуло» на поверхность исследовательской деятельности те самые вроде бы незначительные свойства мышления, которые оставались прежде в тени. Рассмотрим некоторые идеи философии У. В. О. Куайна именно с этой точки зрения, а если выразиться конкретнее, постараемся показать, как в его философии с роковой (для основной направленности логического позитивизма) неизбежностью в логику вторгается и реальность, и субъект, ее познающий, как меняется понимание значения слова, его зависимость от способов употребления, от контекста⁵.

Куайн задумывается над вопросом, действительно ли существует жесткая граница между аналитическими и синтетическими предложениями, как обычно утверждают представители аналитической философии. Они, по словам Куайна, считают, что предложение является аналитическим, если оно истинно в силу значения входящих в него слов и независимо от фактов реальной действительности. Однако Куайн ставит под вопрос возможность существования таких предложений. Истина, полагает он, зависит как от языка, так и от экстралингвистических фактов, и демонстрирует это на высказывании «Брут убил Цезаря». Оно было бы ложным, если бы мир был иным в определенных отношениях, т.е. если бы Брут не убивал Цезаря, но оно было бы ложным и в том случае, если бы слово «убил» обладало другим значением, например, если бы оно значило «породил». На основании такого рассуждения Куайн видит возможность предположить, что истинность высказывания можно считать зависимой и от лингвистической компоненты, и от фактической. Если так, то можно считать аналитическим предложение, в котором фактический элемент сведен к нулю. Но при всей априорной разумности такого подхода к вопросу, пишет Куайн, «граница между аналитическими и синтетическими высказываниями просто не была проведена. То, что подобного рода различие вообще должно быть проведено, есть неэмпирическая догма эмпириков, метафизический символ веры»⁶. Иначе говоря, представители аналитической философии, будучи противниками метафизики, тем не менее сами опираются на метафизический базис, принимаемый ими без эмпирического и логического обоснования, «по умолчанию».

Высказывания, которые, по общему мнению философов, являются аналитическими, обнаружить, полагает Куайн, несложно. Они бы-

⁵ П. С. Куслий рассматривает эти проблемы в философии Куайна (несколько в иных формулировках и с другими целями) в своей диссертации «Язык и онтологическая относительность», удачно вписывая его идеи в историю и современное состояние аналитической философии.

⁶ Куайн У. Две догмы эмпиризма // У. Куайн. Слово и объект. М. : Логос, 2000. С. 358.

вают двух типов. Высказывания первого типа могут быть названы логически истинными, и в качестве примера можно привести следующее предложение: «ни один неженатый человек не женат». Это предложение остается истинным при любой интерпретации слов «человек» и «женатый». Второй тип аналитических высказываний может быть представлен высказыванием: «ни один холостяк не женат». Это высказывание может быть превращено в логическую истину путем замены того или иного слова его синонимом. В данном случае можно заменить выражение «холостяк» его синонимом «неженатый человек». Трудность в том, что мы приходим в этом случае к пониманию аналитичности, опираясь на понятие синонимии, которое требует разъяснения в не меньшей степени.

Куайн отмечает, что Р. Карнап со временем стал склоняться к объяснению аналитичности через описание состояния. «Описание состояния есть исчерпывающее приписывание истинностных значений атомарным, или несоставным, высказываниям языка»⁷. Все прочие высказывания, полагает Карнап, строятся из этих элементарных компонент таким образом, что истинностное значение для каждой из них фиксируется при помощи специфических логических законов. Высказывание является аналитическим, если оно истинно при любом описании состояния. Однако Куайн отмечает, что эта версия аналитичности выполняет свою роль только в том случае, если атомарные высказывания являются взаимно независимыми, в отличие от высказываний «Джон – холостяк» и «Джон женат». Куайн избегает категорических высказываний, но в сущности он не согласен с пониманием аналитичности ни на базе понятия значения, ни на базе приписывания истинности атомарным фактам, так как в том и другом случае логическое рассуждение приводит к необходимости интерпретировать синонимию. В определенном смысле здесь можно говорить о проблеме перевода (в рамках одного языка), для которого не существует общих правил.

Куайн не согласен и с тем, что провести различие между аналитическими и синтетическими предложениями легче, если обратиться не к обыденному языку, а к точному искусственному языку с явно выраженными семантическими правилами. Такое мнение Куайн считает ошибочным. Чтобы придать своей позиции максимальную убедительность, он приводит ряд обосновывающих ее рассуждений (я их здесь не привожу) и делает вывод, что обращение к точному языку не обеспечивает продвижения вперед. Вместо того чтобы пытаться объяснить аналитичность, приходится как-то понять необъясненное «семантическое правило». Семантические правила интересны лишь постольку, поскольку мы уже имеем представление о том, что такое аналитичность. Сами они не могут помочь нам ее понять. Куайн при-

⁷ Куайн У. Указ. соч. С. 345.

ходит к выводу, что убедительного с точки зрения логики различия между аналитическими и синтетическими предложениями проведено не было. Такое различие представителями аналитической философии воспринималось как догма, не требующая доказательства.

Второй догмой аналитической философии Куайн считает *редукционизм*, когда предполагается, что всякое осмысленное высказывание может быть отослано к непосредственному опыту. Радикальный редукционизм ставит перед собой задачу выделить язык чувственных данных и показать, как можно перенести на него остальную часть научного дискурса. Карнап реализует этот проект в своей работе «Der logische Aufbau der Welt». Его план заключался в том, чтобы получить описание мира, сравнимое с нашим опытом. Несмотря на то что соображения Карнапа были весьма ценными, утверждает Куайн, они страдали чрезмерной схематичностью. В то же время Карнап не признавал, по-видимому, что его размышления о физических объектах не позволяют осуществить редукцию не в силу их схематичности, а в принципе. Куайн пишет, что, как ему кажется, впоследствии Карнап осознал это обстоятельство, и редукционизм в его радикальной форме больше не встречается в его работах.

Однако догма редукционизма продолжала влиять на мышление эмпириков. Она неявно присутствует, пишет Куайн, в верификационистской теории значения, возрождаясь в предположении, что любое высказывание, взятое в изоляции от своих соседей, может подтверждаться или не подтверждаться. Куайн придерживается другого мнения. Его предположение заключается в том, что наши высказывания о внешнем мире сталкиваются с оценкой чувственного опыта не поодиночке, а исключительно в виде целого. О своей позиции Куайн говорит: «Мое нынешнее предположение заключается в том, что это бессмыслица и источник еще большей бессмыслицы – говорить о лингвистической компоненте и фактической компоненте в истине каждого отдельного предложения. Взятая в целом, наука испытывает эту двойную зависимость от языка и опыта; однако эта двойственность не может быть осмысленно прослежена до высказываний науки, взятых по отдельности»⁸.

Эта позиция Куайна напрямую связана с его пониманием значения предложения. Свою точку зрения по этому вопросу он противопоставляет тенденции в философии логики, согласно которой значения предложений рассматриваются как самостоятельные абстрактные сущности под именем пропозиций (propositions). Именно они считаются истинными или ложными, а не сами предложения. Когда немец говорит: «Der Schnee ist weiss», его предложение истинно ввиду того, что (1) снег бел и (2) снег *является* белым. Сторонник абстрактного характера значений (сторонник пропозиций) утверждает ис-

⁸ Куайн У. Указ. соч. С. 363.

тинность предложения просто тем, что снег является белым. Он обходит различия между языками, а также различия в формулировках внутри языка. Сама «логическая теория, несмотря на ее сильную зависимость от обсуждения языка, уже сориентирована на мир, а не на язык, и это связано с предикатом истины»⁹, считает Куайн. Очевидно, по этой же причине он не опирается на понятие выводимости (одной мысли из другой), которое он оспаривает, как и соответствующее понятие эквивалентности, поскольку эквивалентность есть просто взаимная выводимость. «Но мы должны осознать, – продолжает Куайн, – что предложения взаимосвязаны посредством ассоциаций, укоренившихся в поведении»¹⁰. Логику предложений Куайн погружает таким образом в эмпирию поведения как ее основание.

Эту же мысль об отсутствии устойчивости, стабильности значений предложений и отдельных слов Куайн проводит, анализируя проблему перевода. Берутся высказывания в определенной ситуации, когда они опираются на конкретное событие, которое видно как лингвисту, так и его информатору. Например, мимо быстро пробегает кролик, абориген говорит: «Гавагай», и лингвист записывает предложение: «Кролик», или «Смотри, кролик». Далее Куайн описывает достаточно подробно те приемы, которыми пользуется лингвист, чтобы удостовериться в правильности перевода, в том, в частности, что абориген не имел в виду «животное» или «белый». Главное в понимании Куайном процедуры перевода состоит в том, что значение слова определяется условиями, контекстом произнесения того или иного высказывания. Это подтверждает его тезис, что значения не существуют как абстрактные сущности, они зависят от ситуации произнесения предложения.

Однако можно напомнить, что, несмотря на зависимость высказывания, слова от ситуации их использования, они обладают в то же время устойчивостью своего значения. Именно это позволяет говорить, что *одно и то же* слово может менять (есть что менять!) свое значение в разных обстоятельствах, в разных контекстах. При этом в каждом отдельном случае мы продолжаем говорить именно о красивом, богатом, неженатом, лысом, зеленом и т.д. Значение слова «богатый» меняется в каждой новой ситуации, но тем не менее эти изменения осуществляются в рамках «исходного» значения, что не позволяет нам по своему произволу заменить «богатый», скажем, на «жареный» или «параллельный», как бы радикально ни менялся контекст. Все варианты значений принадлежат (воспользуемся терминологией Витгенштейна) одному семейству.

Нельзя не согласиться с Куайном, что развитие аналитической философии выдвинуло на передний план такие характеристики слов

⁹ Куайн У. Указ. соч. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 18.

и высказываний, как индивидуальность, особенность, зависимость от контекста. Аналогичным образом в начале и середине XX в. главным для логиков было единообразие в истолковании значения слов. Чтобы лучше понимать друг друга, ученые и логики должны прийти к одинаковому пониманию значения слов и высказываний. Только на такой основе можно построить теорию языка, выявить законы его построения, а вместе с тем и законы мира. Разумеется, это не значит, что представители Венского кружка не видели разнообразия контекстов при употреблении конкретного слова. Но для них было важно, что слово-то одно и то же и что для понимания между людьми необходимо, чтобы они это имели в виду, осознавали. Если же каждый будет приписывать слову значение, зависимое от ситуации его использования в данный момент и данное время, т.е. каждый раз значение будет другим и не связанным со значением, которое определяется другим контекстом, то никакое общение невозможно. На такой, безусловно, разумной основе была построена логика позитивизма. При этом все моменты, противоречащие этой позиции, или выдвигались за пределы логики (например, субъект со всеми личностными характеристиками, в том числе его деятельность), или предпринимались попытки, более или менее успешные, ассимилировать их в недра логики. Это относится и к так называемым предложениям верования, которые воспринимались как серьезное затруднение уже и Б. Расселом, и Витгенштейном. Витгенштейн пытался включить их в структуру логики, но его усилия не были признаны полностью успешными. Это, однако, не стало препятствием для дальнейшего развития логического позитивизма. Все то, что не поддавалось логическому объяснению, до поры до времени не принималось во внимание.

Во второй половине прошлого века вектор исследовательской деятельности разворачивается в обратном направлении. Теперь (мы видели это выше на примере Куайна) трудности, связанные с предложениями верования или с различием аналитических и синтетических предложений, рассматриваются не как требующие устранения из логики, не как препятствия на ее пути, а как базовое ее основание. Такая радикальная перемена курса позволила избавиться от ряда трудностей логического позитивизма. Но в то же время появились новые угрозы. Развитие логики на новых основаниях может привести к погружению ее в эмпирию. Вероятно, именно поэтому Куайн мечется между стремлением индивидуализировать понятие значения и не слишком решительным отрицанием существования аналитических предложений. В его позиции не хватает придания должного места тому обстоятельству, что любое слово не может употребляться в *любом* контексте. Не только контекст определяет, меняет значение слова, но и само слово на основании своего *базового*, если можно так выразиться, значения вычленяет область допустимого для него употребления. Бытовые термины, как правило, не могут быть использованы в языке

науки, разве что как метафоры. Да и в рамках здравого смысла термины имеют свои сферы использования. Слово «лысый» едва ли может внести ясность в процедуру приготовления пищи.

Значение слова – важное понятие для логики – рождается из контекста, из того, что не является логикой. Для каждого слова имеется свой круг возможных контекстов его использования. При этом не только каждый контекст в отдельности, но и вся совокупность возможных условий использования данного слова обладает свойством уникальности в той мере, в какой это слово по своему «базовому» значению отличается от другого слова, не совпадает с ним. Если исходить из того, что каждое слово, каждое высказывание выражает ту или иную мысль (иначе и быть не может, ведь сколько попугай ни повторит слово, оно не будет словом языка, оно не обладает значением, смыслом, попугай не мыслит), то возникает вопрос: что порождает наше мышление как таковое? Если каждая конкретная мысль рождается из контекста, можно ли сказать о мышлении в целом, что его основанием является не мышление, не его логика, а нечто нелогическое? В любом случае ведь надо как-то понять мышление и язык в их целостности, а не просто как совокупность слов и высказываний, обладающих своим значением, каждый раз другим в другом контексте.

Задумаемся над тем, что в последние десятилетия в философии много внимания уделяется понятию «сознание». Нельзя исключать, что это связано с общей тенденцией сосредоточить внимание на *началах* мышления. В естествознании переосмысляются понятия пространства, времени, элементарности, причинности, которые определяют характер физических теорий с точки зрения их базовых оснований; особое внимание уделяется изменениям в организмах на генетическом уровне, возникновению новых форм живой материи; в космологии ученые заняты происхождением нашей Вселенной, ее началом; в философии науки на первый план выдвигаются исследования по изучению научных революций, творческих процессов, т.е. по изучению рождения в науке новых идей. Можно упомянуть понятие точки бифуркации в синергетике, точки-начала, в которой определяется характер последующего эволюционного развития. Это относится и к повышенному интересу интерпретировать рождение мысли из контекста. Если вернуться к началу статьи, то полезно обратиться к пониманию *сознания* как *предлогики* у Библиера. М. К. Мамардашвили пишет о *нелогике*, некотором *мыслительном поле* как истоке мысли. У Ж. Делёза *нонсенс* как *несмысл*, порождающий смысл и значение слов. Из эмпирии уникальности и особенности явно намечается выход в новую логику.

Перечислю в конце тезисы, которые я пыталась обосновать.

1. Очевидное доминирование в мышлении второй половины XX в. таких понятий, как индивидуальное, особенное, уникальное, позволило

разрешить ряд трудностей, возникших в классической логике Нового времени. В свою очередь это привело многих исследователей в одну из двух тупиковых, на мой взгляд, ситуаций: или к отказу от классической логики в пользу эмпирии, или к попыткам усовершенствовать привычную и до сих пор хорошо работающую во многих случаях нововременную логику за счет введения уступок своим оппонентам.

2. Выдвижение на передний план понятия «контекст» имело своим итогом проблему возникновения нового результата в науке из того, что наукой не является, значения слова из того, что выходит за пределы логики языка.

3. Возникает вопрос: каким образом можно гарантировать получение именно *научного* результата и значения слова, соответствующего *логическим* нормам языка? Ведь контекст каждый раз другой, и он не логический и не научный.

4. Чтобы преодолеть эту трудность, необходимо, по-видимому, учитывать не только активную роль контекста в получении результата, но и обратное влияние проблемной ситуации в мышлении на формирование соответствующих условий. В этом случае контекст не будет произвольным, а результат сохранит свою устойчивость в определенных рамках. Важным будет не только факт изменчивости слова в разных контекстах, но и то обстоятельство, что речь идет все-таки об одном и том же слове.

5. Исходящее от субъекта (язык, наука, мысль) и противостоящий человеку мир как предмет мысли взаимопроникают друг в друга, граница между ними размывается, а вместе с тем теряет остроту и субъект-предметное отношение. Главное – понять, как из контекста (где присутствуют и субъектные, и предметные черты) актуализируется возможность логики, языка, науки, мышления, в том числе субъект-предметного отношения.